

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В КАЗАХСКИХ СТЕПЯХ (вторая половина XVIII - начало XIX вв.)

В статье рассматриваются основные внешние факторы вхождения Казахстана в орбиту влияния Российской империи, а также выполнен краткий обзор положения соседних государств. Особое внимание уделяется роли и значению личности Абулхаир-хана в отечественной истории. Указывается на неизбежность попадания кочевых народов в орбиту сфер влияния соседних империй. Мировой исторический процесс неумолимо заставлял кочевников сжиматься внутри своих границ. Естественное сокращение границ, а, следовательно, и пастбищ приводило к росту междоусобиц, конфликтов за право распоряжаться пастбищными угодьями. И действительно, как мы видим из письменных обращений родоправителей к пограничному руководству, на XVIII век приходится небывалый рост барымты, причем сопровождалось все это борьбой между султанами и ханами. Именно ханы и султаны были объектами имперской политики на начальном этапе военного продвижения царизма вглубь казахских степей. Данный материал подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Казахское ханство: от принятия подданства до ликвидации государственности (XVIII – XIX вв.)» по научно-технической программе BR05233709 «История и культура Великой степи».

Введение.Прежде всего проблема международных отношений кочевых народов с окружающими государствами редко становилась в центр внимания исследователей. Российская имперская историография всегда трактовала межгосударственные и межличностные контакты только исходя из своего отношения к личностям и событиям эпохи. Ярким примером этого следует считать, например, попытка Абулхаир-хана вступить в союзнические отношения с Надир шахом, правителем Иранского государства (История Казахстана, 2013; Ерофеева, 2014; История Казахстана, 2005; Почекаев, 2003: 171).

Исходя из своих правовых критериев, русские исследователи трактовали данное стремление Абулхаира как отход от своих обязательств. Не понимая специфику системы подчинения у кочевников, российская администрация весьма своевольно трактовала степень возможностей хана и саму структуру управления в казахских жузах.

Говоря о влиянии царской администрации на порядки в степи, любой исследователь должен обратить внимание на тот факт, что на протяжении доброй половины всего XVIII века, центральное правительство довольно нейтрально относилось к сохранению традиционной системы управления у

подвластных ей народов. Лишь к концу указанного века, начинаются реформы, направленные на более решительное включение кочевников в общеимперскую структуру власти.

Прежде всего, мы должны обозначить проблему терминологии, которая в данное время имеет большой разброс мнений. Безусловно, на момент приобретения независимости, доминирующей идеей было добровольное присоединение, основанное на принятии подданства ханом одного из казахских жузов. Не вдаваясь в трудности изучения системы традиционных отношений в казахском обществе и не понимая специфику ханской власти и степени его влияния, российские, а вслед за ними советские ученые заявляли о «добровольности» как желания хана, политической элиты и всего народа. Такая трактовка шла на встречу с общепринятыми установками социалистического общества, где высшей ценностью являлась дружба народов, а, следовательно, добровольное вхождение означало добрососедство двух угнетенных наций.

Обсуждение. Подобная трактовка событий стала основой для выработки концепции отрицания государства и его символов самим угнетенным народом. Отмена ханской власти - акт политической сознательности рядового кочевого населения, пробуждение его от тысячелетней спячки, и поэтому в целом являлось благом для кочевников. Понятно, что за период независимости подобные идеи и установки были подвергнуты критическому пересмотру. Открытие архивов, новейшие исследования и новые подходы, свободные от прежних установок привели к коренному пересмотру концепции «добровольности» и к ее отмене.

Термин «завоевание» с легкой руки укрепившийся в отечественной историографии также, исходя из контекста всемирной истории не может быть принят всерьез: мы не знаем ни одной битвы поистине общеказахского масштаба с завоевателями или случаев намеренного нарушения прав кочевников. Даже отторжение от традиционных пастбищ части казахов противоречит самому принципу завоевания – ведь собственных подданных, если они являются таковыми никто не будет притеснять тем более такими мерами. Стремление объяснить эти действия царизма как попытку внести противоречия между казахами и другими кочевниками (калмыками, башкирами и ногайцами) тоже не может быть удовлетворительным, ведь на востоке и севере наших границ отсутствие других кочевников в этом случае не может служить неким оправданием.

Постройка укрепленных линий безусловно нарушило базисные принципы распределения кочевий, но не может быть признано одним из элементов завоевания, хотя бы потому, что закладка линий (Яицкий городок – 1640 г., Уральск – в 1613г., Омская крепость была заложена – 1716 г., Павлодарская крепость – в 1720 г., Усть-Каменогорская крепость в 1720 г., Семипалатинская крепость – в 1718 г., Прииртышская линия – в 1714-1720 гг., Илецкая – в 1715 г., Уральская еще в XVII веке) происходила задолго до

официального прошения в качестве подданного Абулхаир ханом (1731 год) (Бородаев, Контев, 2007: 65). Таким образом, термин завоевания, как мы видим тоже не может отразить в полной мере те сложные процессы, протекавшие в Казахской степи и приведшей к потере независимости. Следовательно, сама постановка вопроса о завоевании или добровольности неверна в корне.

Популярный на сегодня термин вхождение на наш взгляд в достаточной мере объективен, поскольку не несет эмоциональных окрасов. Вхождение казахских степей в состав Российского государства - это объективный процесс, сопровождавшийся долгими переговорами и частыми военными стычками.

Эволюция отношений казахских властителей необходимо рассматривать в тесной связи с историей окружающих народов, прежде всего Российской империи. Часть истории этих взаимоотношений содержится в трудах дореволюционных авторов, таких как М.П. Вяткина (Вяткин, 1940), П. Рычкова (Рычков, 1762), С. Палласа (Труды Астраханского статистического комитета, 1874), Л. Мейера (Мейер, 1850), также этот вопрос можно проследить в работе «Земли киргиз-кайсаков и Туркестана» (Карта Астраханской губерний, 1881). Особняком стоит работа В.И. Колесника, который рассматривает историю Калмыцкого государства через призму взаимоотношений с соседними кочевыми народами, в том числе с казахами (Колесник, 2003).

Приведенные выше даты основания ряда крепостей указывают не только на скорость продвижения русской колонизации, но и служит обоснованием для выдвижения территориальных претензий пока не на государственном уровне, а на уровне массового сознания. Дата основания указанных крепостей поневоле становится точкой отсчета письменной истории этих мест, однако местное население издревле проживавших на этих землях являлось казахским, что хорошо прослеживается по письменным источникам, археологическим находкам, этнографическим памятникам и другим критериям. Таким образом, процесс начала колонизации или ее точкой отсчета можно указывать сроки, гораздо более древние и давние. Основание Уральска яицкими казаками происходило на землях ногайцев, значительная часть из которых впоследствии вошла в этнический состав казахского народа. Значительную часть кочевого населения Сибирского ханства также составляли представители родоплеменных групп, относившихся к собственно казахскому народу.

Поступательное движение Российской империи на восток, долгое время в советской, а отчасти и в современной историографии трактовалась в угоду господствующей идеи дружбы народов и интернационализма, как абсолютно бескровное и прогрессивное, причем русскому народу традиционно отводилась роль старшего брата. Подчинение огромных пространств повлекло за собой ряд коренных преобразований, хотя местные формы

самоуправления продолжались использоваться. Во многом, это было связано с тем, что Империя как идея все еще держалась на личности самой ее основателя Петра I (Шотанова, 2009). Дальнейший ее генезис происходил в рамках становления любой другой колониальной империи, а именно включение в ее состав разноэтнических групп с различным уровнем их общественного и государственного развития. Первыми жертвами новой имперской идеи стали народы Сибири (Исторический Атлас, 2007). Опробовав на местном населении разные практики управления, российская администрация приобрела столь необходимый опыт для последующих контактов с другими коренными группами. Накопленный опыт, в том числе знакомство с психологией, обычаями, традициями, общественным и политическим устройством, а также достаточно мощная филологическая подготовка чиновников во многом стал основой для формирования востоковедческой школы империи. Кстати, одним из центров подготовки стал Казанский университет, выбор на него тоже был неслучайным. Языковая, культурная и духовная общность народов Волго-Уральского междуречья стала прекрасной средой для подготовки управленцев (ГАРТ, 10: 11.). Недаром первые проводники российской имперской политики были татарами по национальности. Здесь надо отметить, что Казань с этого момента становится духовным и культурным центром для всех народов Волжско-Уральского бассейна: и позднее казахи чаще всего выбирали как место своего обучения (ГАРТ, 1277.)

Подготовка чиновников, близко знакомых с кочевым бытом, трудно назвать случайным событием. Естественный ход событий влек империю на восток, в Сибирь, где малочисленные народы не могли организовать сильное сопротивление. Само движение России в Сибирь проходило достаточно мирно, что впоследствии дало повод различать в мировой истории русский и западный колониализм, однако отношения с кочевыми народами складывались совершенно с других позиций.

Российская империя образца XVIII века – держава, стоявшая на капиталистических путях развития. Своя промышленность, вооружение, транспорт и система управления были вполне на уровне европейских стандартов, хотя и со своей спецификой. Крепостной строй господствовавший в империи надолго определил пути ее развития, а массовая колонизация XVIII века проводилась главным образом силами бежавших крестьян или казачьих отрядов. Вслед за ними шли отряды царских воевод, строивших остроги и подчинявших местное население уже центральному правительству. Понятно, что обустройство новых земель занимало довольно длительное время (под освоением понималось обустройство крепостей/острогов, налаживание вертикали власти, введение законодательства, системы налогообложения, создание массива переселенцев – крестьян, начало эксплуатации местных ресурсов и многое другое).

Кроме того, новые веяния в перемене управления новых колониальных приобретений начинаются довольно поздно, с начала XIX века, когда как

известно в ходе переворота к власти приходит Александр I. Война с Наполеоном, серия освободительных походов в Европу, познакомила русское дворянство с западным обществом, где господствовавшая система кардинально отличалась от системы крепостного права в России.

На наш взгляд, именно знакомство с более передовой системой управления стало основанием для принятия новых положений, приведших к отмене ханской власти и упразднения самого титула «хан». Реформам 1820-х годов предшествовали уступки восставшим казахам под руководством С. Датулы, когда временно казахам все-таки разрешили кочевать в ранее запретных для них районах. Данное восстание, носившее во многом антиколониальный характер показало упадок ханского звания в народной массе. К видимым проявлениям упадка престижа ханского звания можно отнести убийство хана С. Датулы, что в законах Тауке хана считалось одним из самых серьезных нарушений, а также подчеркнуто независимое отношение С. Датулы к ханским регалиям. Понятно, что личностное отношение С. Датулы не имело ничего общего с устремлениями самих кочевников, сумевших настоять на сохранение ханского звания, но показателен сам момент, где старшина не считал нужным само существование ханского титула. Позднее мы увидим подобное же отношение со стороны другого властного владельца и родоправителя рода шекты Жанхожи Нурмухамедова.

Здесь необходимо отметить, что сам кризис ханской власти был заложен в самой политической системе казахов. Хан не только представитель правящей династии, освященной веками и традицией, но и умелый администратор, знаток обычаев, знающий основы животноводства, а также хороший военачальник, обладающий к тому же личной храбростью. Правителю у кочевников мало было обладать прекрасной родословной, но и уметь учитывать интересы народных масс и элит. Хан не только фигура управления, он еще и символ благополучия общества, смена же его в результате болезни или смерти в бою, всегда рассматривалась как перемена к плохому, негативному. То есть налицо принцип меритократии.

Последним всеказахским ханом, имевшим всю полноту власти (законодательной, военной и политической) стал хан Тауке. После болезни, записи о которой отложились в архивных материалах, Тауке во многом устранился от принятия наиболее важных решений, что автоматически привело к усилению роли ханов жузов. В задачах данной статьи не входит история проявлений сепаратизма в предшествующую эпоху, можно лишь предположить, что в период активного военного противостояния и нарушения межжузовских, межплеменных и межродовых связей, падение авторитета хана так или иначе должен был восполниться ростом авторитета местных родоправителей, которые и заполнили сложившейся политической вакуум.

При изучении данного вопроса, надо учитывать произошедшие изменения в системе престолонаследия, где долгое время переход правления шел по

линии самого старшего в семье, что вполне согласуется с древней практикой в степи. Однако начиная с XVIII века нарастает тенденция к передаче власти по линии прямого наследования, где наиболее ярким примером выступает передача власти Абулхаира своему сыну Нуралы, хоть и против своей воли, от Абылай хана сыну Уали и другие. Причины этого лежат в усилении влияния соседних государств, где сложение государств происходило на иной, оседлой основе.

Само усиление оседло – земледельческих культур происходило на фоне дальнейшего развития научно – технической мысли, в то время, когда кочевое хозяйство и кочевая культура исчерпала дальнейшие возможности для своего прогресса. Постоянные войны, смещение традиционных путей кочевков, усиление гегемонии оседлых культур, сокращение пастбищного фонда (пусть на начало XVIII века и не смертельное) – все эти факторы работали над ослаблением ханского авторитета. Неспособность защитить отдаленные земли от разоряющих набегов, упадок хозяйства и прочие сопутствующие причины усилили тягу к самостоятельности местных управителей. Данная ситуация вообще характерна для многих государств, тем не менее можно утверждать, что сами традиции государства продолжали существовать, пусть и в усеченном виде. То есть сам кризис центральной власти оказался бы вполне переносимым, если бы не еще одно обстоятельство, что вкупе с другими факторами привело к потере независимости, а позднее к полноценному статусу колонии.

Возросший сепаратизм помножился на усиление давления со стороны оседлых культур, в том числе с юга, востока и, конечно же, с севера. В отечественной историографии датой потери независимости традиционно относят к дате принятия подданства хана Абулхаира, возглавлявшего Младший и часть Среднего жузов. Более того, сложившаяся негативная оценка роли Абулхаира в нашей истории продолжает бытовать и по сей день. Не подвергая сомнению основные моменты нашей истории и не ставя под сомнение сам факт принесения присяги (ГАРТ, 159: 1-3), попробуем проанализировать общий ход событий исходя из сегодняшней территориальной целостности республики.

Первыми жертвами из среды кочевников стали ногайцы, калмыки и башкиры. Судьбы всех кочевников оказались переплетены, обустройство первых укрепленных линий как раз-таки предназначалась для защиты от набегов кочевников. Первые меры, которые могло предпринять царское правительство – это закрепление кочевников на определённых территориях – именно этот шаг объясняет создание линий. В архивных документах встречается определение цели таких мест – с целью недопущения кочевников на ту или иную территорию.

Ногайцы, а вслед за ними башкиры и калмыки также подверглись своего рода огораживанием, путем постройки ряда крепостных (пограничных) линий, что привело к крайней зависимости от распоряжений царской

администрации и сокращению доступа к пастбищам. Подобные оградительные меры породили недоверие со стороны рядовых кочевников, которые заставляли политическую элиту кочевников находить компромисс между действиями администрации и рядовыми массами. Понятное дело, что не всегда это удавалось делать, поэтому недовольство принимало крайние меры: от традиционной откочевки до вооруженного восстания. Восстание требовало выделение сил для подавления, финансовых и людских ресурсов, которые в силу ограниченности на первых порах местных сил, конечно же было не желательно. Лавирование и заигрывание с частью политических элит кочевников было составной частью царской стратегией. Метод уступок также был в чести у местной администрации, достаточно вспомнить уступки восставшим казахам под руководством Сырыма Датұлы.

Власть оставалась в руках кочевой элиты, и, казалось бы, ее авторитет оставался непреклонным, однако со временем сила и авторитет царской власти возрастал, хотя она на первых порах не стремилась к прямому руководству. Коренной перелом в управлении выразившийся в переходе на прямое управление кочевниками произошел после торгоутского побега (1771 г.), когда политическая воля калмыцкой элиты стала локомотивом массовой перекочевки, последней подобного рода в истории кочевников.

До этого события, подчинение кочевников власти империи носило порой номинальный характер, что дополнялось восприятием власти белого царя как легитимного продолжения линии Чингизидов. Достаточно вспомнить каким почетом окружались потомки Чингисхана в российском плену (потомки Кучума, хан Арынгазы и т.д.).

Тем не менее, ряд моментов в нашей истории еще не до конца остается неизученным. Односторонний пересмотр системы взаимоотношений кочевников и царской администрации только с точки зрения самих кочевников привел к тому, что многие исследователи стали упускать из виду причины усиления царизма на построение общеимперской системы управления.

Итак, на первых порах, царизм вовсе не вмешивался в дела кочевых подданных. Достаточно вспомнить продолжавшиеся войны казахов с джунгарами, южными соседями со средневековыми государствами Средней Азии, включая кочевых туркмен и кыргызов, Цинской империей и империей Надир шаха.

Явный крен наблюдавшийся в начале XIX века в сторону усиления общеимперского начала, был обусловлен как указывалось выше, внутривластным развитием Российской империи, и как правило, сопровождался усилением пределов возможности царской администрации. Между тем подобный пересмотр проводился не только по отношению к казахам, он коснулся всех народов так или иначе сохранивших определенную систему самоуправления. Разрушение системы самоуправления и

выстраивание четкой и прямой линии – отличительная черта российской колониальной администрации образца конца XVIII– начала XX вв.

Здесь важно коснуться терминологии описания происходивших событий. В отечественной историографии, с приобретением независимости, стало доминировать мнение о прямой колонизации, причем постройка укрепленных линий и проведение реформ, отечественные ученые стали выводить как звенья одной цепи. На наш взгляд ситуация носила более широкий характер. Ведь с момента постройки крепостей и до административных реформ образца XIX века, казахское население степных областей по сути оставалось вне сферы административной деятельности царских чиновников. За исключением налогов, которые воспринимались кочевниками как эпизодические контакты и редких встреч на ярмарках, и по сути вплоть до начала XIX века, казахское население степей по-видимому не воспринимало царскую власть как нечто обременительное. Лишь с 1820-х гг., после проведения ряда реформ, увеличился пресс на рядовых кочевников.

Представить себе данное положение дел как единую концепцию, проводимую российским царизмом, противоречит историческим реалиям. Несмотря на то, что в нашей историографии устоялось указывать стремление Петра I к захвату казахских земель как ключа к южным странам, все же словосочетание политика России к целенаправленному продвижению в сторону «жемчужине британских колоний», Индии, представлять себе Индию как цель последовательной политики Российской империи и как нечто целостное и последовательное очень сложно. Скорее это навеяно широко разрекламированной теорией «Большой игры» с явным налетом романтизма и бульварщины. Российская политика в Центральной Азии во многом подвергалась изменению и коррекции в зависимости от конкретных обстоятельств и конкретных личностей ее проводимых.

Переломным моментом для ликвидации внутренней автономии казахов, как указывалось выше, мы считаем перекочевку калмыков на исконные земли, на территорию опустевшей Джунгарии. Побег подданных не только ослабил авторитет российской власти, но и привел к обезлюдиванию приволжских степей, потере налогооблагаемой базы и в конечном итоге пересмотру всей внутренней политики. Надо отметить, что калмыки во многом являлись оплотом русской власти от Волги до Дона, участвовали во многих войнах царской России, обеспечивали безопасность ее границ от лихих налетов ногайцев, горцев Кавказа, крымско-татарской конницы. Потеря боеспособного контингента и утеря части доходов, не были единственным источником переживаний колониальных властей, сюда добавилась вполне реальная тревога объединения кочевников, а как свидетельствуют источники «такие намерения и возможность были».

Именно с этого момента российские власти начинают ряд мероприятий, направленных на дальнейшую интеграцию кочевников, своих новых подданных в общеимперскую структуру.

Исходя из вышеизложенного можно факт принесения присяги трактовать как момент признания политического суверенитета Российского государства. Однако немало вопросов вызывает и сама присяга, которая скорее предполагает некую значительную автономию. Одним из проявлений большой внутренней автономии становится момент согласия Абулхаира на занятие вакантного трона правителя Хивинского ханства. Сама суть предложения союза Надир шаха с Абулхаиром заключалось в том, что иранский правитель видел его в роли защитника всех мусульман и опоры в борьбе против джунгарских и русских войск. Сама попытка переманить Абулхаира на свою сторону, и попытка разрыва союза между казахским правителем и Российской империей не увенчалась успехом, так последовал отказ Абулхаир хана. В 1740 году Абулхаир на просьбу о сотрудничестве с Надир-шахом отвечает так: «Я же при объявлении сего прошу: ежели, что имеете мне объявить, то оным не замедлить, почему и с моей стороны надлежащим ответом не премину, дабы без такого посредства в нечаянном случае между нашими мусульманским и вашим персидским народом не последовала кровопролитного греха. Ибо, ежели вы имеете постоянный и неразрывный с е.и.в. всероссийскую мир, то и с нами учинить вам потребно, буде же с е.и.в. намерены вы подвигнуть войну, то и с нами оное продолжать не оставляйте...» (Ерофеева (Т.1), 2014: 139). Преданность своим интересам и позициям можно наблюдать в обращении Абулхаир хана начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта Л.Я. Саймонову (1742 г.). Он отмечает особое почтение русским союзникам, и весьма доверительно отмечает роль самого чиновника. В письме останавливается на самых важных моментах положения в степи, и отмечает вопрос перемирия с калмыцким хунтайши, и не желание входить в вассальную зависимость от Ирана: «Ея императорского величества всемилостивейшей государыни от нас прозбы по повелению ея все исполнено будут, надеюсь; а персиянину Надыр-кулу и калмыцкому Галдан-Чирену в подданстве быть не желаю... Слышно же мне, что персидский посол в Российском государстве находится, и для того прошу, чтоб Бухарию и Хиву от того посла выпросить в российские владения, и ежели с той прозбой не отдадут, то б соизволено было меня уволить и войска российского ко мне с оружием прислать, то я оные купно с своими кайсаками сильно взять могу...» (Ерофеева (Т.1), 2014: 146).

Несмотря на отсчет вхождения казахских земель в состав Российской империи от присяги Абулхаира, казахские правители сохранили большую независимость и позднее. Так, Абылай хан воюет с кыргызами, джунгарами, цинскими войсками, среднеазиатскими государствами, что странно согласуется с российским суверенитетом. Позднее, когда Кенесары воевал против кокандцев, российские власти сумели заставить его отказаться от военных действий. Абылай же вел военные действия по всей округности расселения казахов. Примечателен сам факт заключения внешних договоров Абылаем без оглядки на царскую администрацию. Так, при столкновении с Цинской династией, хан Абылай не только вступал в дипломатические

отношения, но и добился признания своего титула цинским императором. Сам факт признания Абылая ханом казахов и факт принесения им присяге на верность цинскому правителю до сих пор недооценён в отечественной историографии. По сути условия вассальности Абылай хана перед китайским императором были идентичны обязательствам Абулхаир хана перед русской императрицей. Сохранившаяся тенденция в исторические науки мешает оценить подобные факты, а, следовательно, способствует искаженному восприятию личностей в истории Казахстана. Традиционная форма взаимоотношений кочевников с сюзереном хорошо прослеживается на примере казахско-китайских связей, где форма обмена подарков принимает специфические черты. К примеру, лошади, посланные Абылаем в дар генералам и самому императору, были четко разделены, где подарки императору были признаны данью вассала. Свидетельством тому могут служить следующие строки: «Во время войны с Джунгарией, когда ставилась задача оторвать казахов и киргизов от антицинского движения, в Пекине обсуждалась возможность призвания за кочевниками или передачи им части пограничных земель и оформление этого как пожалование казахским феодалам за их услуги цинскому правительству. «Возможно, казахи через наших генералов будут передавать прошения с просьбой /о возвращении земель/. Мы можем все же милостиво подарить. Однако нельзя позволять им неожиданно переходить границы или легкомысленно отдавать земли». – говорилось в указе императора от 3 марта 1758г. после отбытия казахского посольства. В другом приказе в Джунгарию Цяньлун писал: «Возможно, близ их кочевий имеются безлюдные и бесплодные земли. Их можно было бы отдать казахам в награду за помощь в подавлении ойратов, да и, то только после тщательного обдумывания и предварительного издания приказа о передаче» (Хафизова, 2020: 49).

Данная концепция оставалась краеугольным камнем внутренней идеологии Китая, даже английский посол был вынужден вывесить плакат с надписью на китайском языке, что его корабль везет дань для китайского императора.

Сам Китай образца XVIII века стал олицетворением слабости и отсталости восточных государств в мировой и отечественной историографии. Череда международных договоров об открытии границ и внутренняя слабость привели к превращению Китая в полуколонию западных государств. Однако, все это относится к более позднему периоду, второй половине XIX века. В рассматриваемый период Цинский Китай проводит череду агрессивных войн во всех направлениях. Джунгарское ханство, долгое время, выступавшее буфером между казахскими кочевьями и китайскими армиями, пало под ударами китайцев. Здесь хотелось бы отметить, что несмотря на казалось бескомпромиссную борьбу, воспринимаемую в нашем обществе как борьбу за выживание казахского этноса, все же казахско-джунгарские войны протекали в русле обычных конфликтов кочевников, сопровождаемыми довольно многочисленными браками между казахской и джунгарской знатью. А после падения своего государства, бывшие правители Джунгарии

устремляются в степи к своим яростным врагам, встречая там приют и убежище. Кроме того, имеются свидетельства оказания военной помощи казахам своим бывшим кровным врагам, что слабо связывается с концепцией войны на уничтожение, кочующей из одной научной работы в другую.

Завоевание Цинами Джунгарии породило опасность подчинения казахских степей китайскими войсками. Несмотря на указанное выше описание отсталости Цинского Китая, на тот период времени Цинская армия одна из лучших в Азии, вобравшая в себя лучшие кавалерийские части из кочевников – маньчжуров и тысячелетний военный опыт Китая использования пехоты. Развернувшееся строительство многочисленных пограничных пунктов и крепостей также привело к сокращению общего массива пастбищных земель. Обращает на себя внимание зеркальная с действиями российской администрации практика ограничения выпаса скота для казахов цинскими властями. Из работы Хафизовой К.Ш. можем проследить такой случай: «В январе 1765 г. Три маньчжуро-китайских отряда, выдворяя казахов с этих пастбищ, прошли из Или к урочищу Яр. Около четырех месяцев они сгоняли кочевников с защищенных от снега и ветра зимовок, пользуясь тем, что скот за зиму ослабел и не мог быть быстро отогнан, что замедляло откочевку, к тому же начинался весенний окот. В указе, переданном Абылаю через задержанных пастухов, говорилось: «Вы являетесь слугами великого государства. Ранее император считал вас за внешних вассалов, живущих далеко от нас, разрешил вам не вносить подати. Если вы со своим скотом, попавшим в большой снег, пожелаете подыскать подходящее место /для зимовок/ и перейти через наши караулы, то должны подать прошение с просьбой платить налог» (Хафизова, 2020: 51).

Влияние Цинской империи на политическую ситуацию в Казахской степи неоспоримо, и оно не ограничивается только фактом признания какого-либо из правителей ханом. Раздача местным правителям традиционных для китайской номенклатуры титулов, ставило целью вовлечения казахов в китайскую имперскую структуру. Между тем стоит упомянуть о подарках, как форме привлечения и подчинения кочевой элиты цинским интересам. Впечатляет тот факт, что китайский император знал о кочевой «традиции», где акт дарения маскировал обычный подкуп местной знати. Например, в докладе канцань дачэня Фу Дэ «о подчинении казаха Правого отдела (Старшего жуза) Толи бая и ташкентского мусульманина Турчжана» ярко выражено желание покорения казахов: «Мы – казахи Правого отдела давно имели желание подчиниться, но были отрезаны Джунгарией. Ныне стало известно, (что) Великая армия уладила Джунгарию, казах нашего Левого отдела Абылай покорился и удостоился щедрой милости великого императора, (известно) также (и то, что) буруты одни за другим начали подчиняться (вам). Я рад слышать, (что император) распространяет благодеяния и заботу (и на меня, искренно желал бы удостоиться августейшей аудиенции. Но поскольку я старый, не могу далеко путешествовать, поэтому отправляю сына Тулибая по имени Чжо-лань,

младшего брата из дома Куйгельди (по имени) Босурман. Передаю в дар трех коней, также по обычаю в знак первой встречи дарю одного коня цанцзань дачэню (Фу Дэ) и т. д.». (Я - Мэнгулдай) подарил казахам каждому в отдельности куски приготовленного шелка. Затем объявил им, что (с этого дня) они стали подданными (великого императора). Но им все же лучше воспользовавшись этим (обстоятельством) и разойтись (по-мирному, (чем) воевать с ташкентскими мусульманами» (Хафизова, 2019: 72-73).

Подобный способ привлечения кочевников давно известен в мировой истории, поэтому и практика царской администрации выделять на «прокормление» казахским ханам и султанам упала на благодатную почву, что вовсе не означало автоматическое включение кочевой элиты данную категорию в ряды российского чиновничества. Особо надо отметить, что несмотря на отдельные попытки Цинов включить казахов в число своих подданных, особых усилий они не предпринимали. Отделить казахов от российского подданства, Цинские власти не смогли или не ставили перед собой такую задачу.

Положение Цинов в завоеванных территориях было весьма непрочным, что сказалось на проведении весьма осторожной внешней политики. Как известно, после смерти Абылай хана, Цинский двор утвердил в звании хана его сына, Уали. Мы должны объективно оценивать факты признания внешними акторами казахских правителей в звании хана. Сама процедура сохранила свои внешние, традиционные черты, а сам факт признания хана в его звании, скорее всего отражал готовность признать в качестве дипломатической стороны какой-либо из империй, будь то Российской или Цинской, определенного человека. Следовательно, оценивая способность влиять Цинов на казахскую элиту, следует отметить, что Цинская империя не обладала реальными возможностями на тот момент прямой агрессии на казахскую территорию, причем в этом надо видеть не сколько российское могущество, сколько слабость цинских коммуникаций в связи с серией непрерывных восстаний в «новой» провинции (Синьцзяне).

Несмотря на это, угроза цинских вторжений была вполне реальная, если ранее имело место быть ряд вооруженных конфликтов, то угрозу полномасштабного вторжения никто не снимал с повестки безопасности казахского народа. Поэтому казахи искали союзников, которые могли бы помочь в условиях полномасштабной агрессии, либо гарантировать безопасность тылов. Подобную тактику применял и Абылай, который стремился воспользоваться военной помощью царской администрации при подготовке своего вторжения в земли кыргызов. Сохранился рапорт генерал-майора С.К. Станиславского командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру о выступившему в поход Аблай-султане (по сведениям И. Кутлугадамова против кыргызов, мешающих торговле с Ташкентом):

«В силу полученного мною от вашего высокопревосходительства сего м-ца 16-го числа под № 242-м ордеру о всенаикрепчайшей предосторожности от выступившего в поход

неизвестно куда Средней киргиской орды Аблай-салтан с двадцатью тысячами подданных своими киргисцами, посланными от меня 17-го числа х командующим пограничною по Иртышской линии ордерами предложено было. И притом г-дам полковникам Рамейкову и Кроткову, подполковнику Билову рекомендовано, чтоб они чрез приезжающих х крепостям для сатовки киргисцов инкогнитым образом постарались разведать: подлинно ль упомянутой их владелец Аблай-салтан с войском своим в поход выступил, и куда именно; и что окажется – ко мне б отрапортовали» (Сборник документов, 2019: 120). Тогда царская администрация отказала, понимая, что Абылай таким образом, стремился укрепить свой авторитет среди кочевников, поскольку выделение военного отряда ставило его в исключительное положение. Подобным же отказом встретило и цинская администрация на подобную же просьбу Абылай хана, правда использовав при этом другую форму отказа, а именно идею о подвластном положении как самого Абылая, так и кыргызов.

Тем не менее во время похода, выяснилось, что собственных сил у Абылай хана вполне достаточно, а просьбы о выделении воинских команд к обоим империям не более чем тактический ход. Объект похода, а именно, сами Тянь-шаньские кыргызы добрую половину своей истории находились в зоне влияния своих соседей, а казахские ханы достаточно часто включали в свою титулатуру ханов кыргызов. Общность судеб, культур и духовная близость не мешали порой для серии череды войн и агрессии, что не мешало восприятию кыргызов как дальних, но все-таки родственников. Примерно равный уровень общественных отношений, экономического хозяйства и культурного развития стал основой для дальнейшего сближения родственных народов, но исключал при этом какой-либо заметное влияние на политическое развитие, которое протекало, начиная с 18 века параллельно. Дальнейшее развитие кыргызов было связано с освоением внутреннего горного пространства, а постепенное вытеснение кыргызов с равнинных пространства Семиречья, уменьшил их значимость как союзников, хот определенное количество военного контингента они все-таки поставляли. С усилением цинского напора, увеличивается и роль кыргызов в Коканде, вслед за ними и казахские правители начинают склоняться к идее военного союза с южными государствами – Бухарой, Кокандом и Хивой.

Идея сотрудничества между казахами и указанными государствами стержнем проходит через всю историю национально – освободительных восстаний в степи. Ислам становится знаменем, объединившим весь регион Центральную Азию если не политическое, то хотя бы в духовное целое. Хивинское и Кокандское ханства, а также Бухарский эмират представляли собой довольно непрочные государственные объединения, которые в советское время в исторической науке освещались исключительно в негативных тонах. Общее политическое и социально – экономическое развитие этих государств также не подверглось сколько-нибудь значительной модернизации, что сделало их достаточно слабой жертвой для иранской агрессии. Завоевание

среднеазиатских ханств Надир шахом, также не повлияло на их внутреннюю систему управления. Слабость данных государств объясняется не только их консерватизмом, хотя он имел место быть, но и значительным удалением от интересов супердержав того времени, отсталостью самой структуры государств и слабой экономической базой. Многочисленные попытки захвата казахских земель хивинскими феодалами земель Младшего жуза, не могли привести к полной их инкорпорации, вследствие слабости хивинцев. Так, основание крепостей на территории Младшего жуза не привело к господству, а напротив, позволило концентрировать против хивинцев все казахские рода. Пиком этой борьбы стала борьба Жанкожи Нурмухамедова, которому удалось добиться свержения власти хивинцев над землями традиционно относившихся к расселению рода шекты. При этом надо отметить, что борьба казахов с проявлениями агрессии среднеазиатских государств стала центром внимания исследователей, оставив за бортом многочисленные попытки выстраивания прочных союзнических отношений. Попытки Каип хана привести к созданию единого государства казахов под властью хивинского хана не могли увенчаться успехом, поскольку основная масса казахов противилась покиданию своих исконных земель, а также отрицала власть хивинцев. Один из примеров может служить обращение в 1750 году А.И. Тевкелева к И.И. Неплюеву: «Ныне мы известились, что из Хивы отправлен ко двору е. и. в. от имеющегося в Хиве Каипа, сына Батыр-салтана, посланник, хитрого состояния человек, и препровожден оной мимо меня чрез отца его без согласия моего вымышленным образом, для того в таком разсуждении, яко наш киргизской народ, неразумной меж собой, могут свое согласие потерять...» (Ерофеева (Т.2), 2014: 30).

Думается немаловажным фактором здесь выступила не совпадение критериев легитимности верховной власти у казахов и среднеазиатских народов. Система верховной власти будь то у хивинцев или других народов строилась на признании правителя, прежде всего освященного идеей сакральности, где правитель наместник Бога. У казахов на первый план выступало происхождение правителя, где обязательным условием являлось его родословная от Чингис хана. Этот момент описывается в работе Э.С. Вульфсон «Киргизы»: «Уже издавна делилось киргизское племя на три отдела или орды... Все три орды находились в Азии, за Уралом, и управлялись своими ханами, которые платили дань России. Ханы выбирались из самых знатных киргизов (казахов), которые называются султанами» (Вульфсон, 1901: 3). Исследователь П.П. Румянцев также упоминает о роли чингизидов в истории казахского народа (Румянцев, 1910: 12-13). Отсюда многочисленные попытки возведения на ханский престол казахских султанов у туркмен, каракалпаков, хивинцев. Впрочем, многочисленные династические браки и союзы не спасали от междоусобных войн и грабительских набегов на друг друга. Противодействие продвижению имперских войск, будь то китайцев или русских, встретило сопротивление, зачастую облеченное в религиозную оболочку. Активная пропаганда объединения под знаменем религии к слову не привела к ожидаемому

результату, что было обусловлено не только низкой степенью религиозности казахов, но и политическим чутьем, которые понимали, что сопротивление одной стороне конфликта может принести потерю независимости от другой стороны, пусть даже и считающуюся союзником на определенном этапе.

Переломным моментом в истории взаимоотношений казахского народа и среднеазиатских государств стал период «вхождения» Младшего жуза в состав России. Намерение казахского правителя, несомненно были продиктованы вынужденными политическими обстоятельствами, а также попыткой укрепления ханской власти в Младшем жузе. Насколько реальны были претензии Абулхаира на трон общеказахского хана, сейчас судить затруднительно, поскольку не сохранились или не найдены документы подтверждающие данные стремления. Очевидно, что Абулхаир обладал всеми необходимыми атрибутами, необходимые качества для управления всеми казахскими степями. Титул победителя джунгар в генеральном сражении у Аныракая, хорошая родословная и репутация храброго воина способствовали его популярности среди масс простых кочевников, однако надо полагать зная привыкшая к полусамостоятельному существованию не могли допустить к правлению столь властную фигуру. Подозрения по поводу устремлений Абулхаира подчинить себе казахов при помощи опоры на российские войска преследовали Абулхаира всю жизнь, а его сыновья потеряли тот политический вес, что был накоплен отцом.

Заключение. Поскольку упразднение титула хана тема отдельного исследования, нужно отметить, что вследствие вышеуказанных причин утрата титула «хан» было предрешено, причем главной причиной стал общий упадок кочевой культуры, которая доживала свои последние годы. Исчезновение кочевой культуры было предопределено всем ходом всемирного исторического процесса.

Мировой исторический процесс неумолимо заставлял кочевников сжиматься внутри своих границ. Естественное сокращение границ, а, следовательно, и пастбищ приводило к росту междоусобиц, конфликтов за право распоряжаться пастбищными угодьями. И действительно, как мы видим из письменных обращений родоправителей к пограничному руководству, на XVIII век приходится небывалый рост барымты, причем сопровождалось все это борьбой между султанами и ханами. Именно ханы и султаны были объектами имперской политики на начальном этапе военного продвижения царизма вглубь казахских степей. Все это хорошо согласуется с общемировой практикой, когда именно элита, ее позиция и амбиции отдельных представителей позволяли колонизаторам продвигаться и захватывать все новые территории.

Несмотря на отдельные успехи казахов, сама логика хода мировой истории, обрекала их вооруженную борьбу на неудачу. XVIII век стал последним веком относительно независимого существования кочевников. Реформы 1820-х гг. стали могильщиком автономии. Отменяя ханскую власть у казахов,

царская администрация лишила не только возможных предводителей вероятных восстаний, но и сосредоточила сбор налогов, распределение пастбищ, судебные функции в руках, разрозненных родоправителей, постепенно превращая их в мелких чиновников. Данная тенденция превратилась позже в окончательное закрепление кочевников в имперские структуры, путем проведения выборов ага-султанов.

В этой связи, особенно трагичной выглядит судьба одного из самых талантливых личностей в Казахской степи – хана Абулхаира. Жертва внешних и внутренних факторов, повлиявших на потерю суверенитета казахами, превратился в изгоя в нашей истории. Его присяга царизму стала символом предательства интересов народа, а просьба о постройке крепости – в начало колониального периода в нашей истории. Тем не менее несмотря на устоявшийся образ, мы должны отметить, что Абулхаир хан был личностью своего времени (ГАРТ, 843 а.). Смелый воин, десятки раз сражавшийся против врагов народа, талантливый полководец, чьи умения и воля привели к разгрому джунгар на Аныракае, дипломат, чьиими способностями восхищались российские чиновники и персидские вельможи. Представители его семьи одно время правили и среди каракалпаков и туркмен, а он сам призывался Хивой и башкирами, что безусловно является крупным достижением и прямым продолжением ореола его славы. Абулхаир не только вытеснил калмыков с казахских пастбищ (ОРР, 4876), он совершал походы против и башкир, уральских казаков, джунгар, хивинцев, каракалпаков и туркмен, то есть по сути по всей линии границ Младшего жуза. При столь активной внешней политике, смог сохранить хорошие отношения с пограничными властями Российской империи.

1731 год, в современной отечественной историографии, стал годом принесения присяги Абулхаиром, и соответственно точкой отсчета начала колонизации. При этом отечественные историки забывают о датах основания городов – крепостей на территории Казахстана русскими войсками (Уральск, Атырау, Семей, Усть-Каменогорск и т.д.), что по крайней мере странно. Вызывает удивление неприятие самого акта присяги, если учесть, что он приносился всеми казахскими властителями, а двойная присяга Абылай хана и русскому царю, и китайскому императору наоборот преподносится как пример умелой дипломатии. Постройку Орской крепости же по времени скорее нужно относить и воспринимать как заключительный акт военного продвижения царизма в Приуралье. Исходя из вышеуказанного, на наш взгляд рано считать данный период полностью изученным, благодаря работе по выявлению новых архивных материалов, данная тема не скоро потеряет свою научную актуальность.

Список литературы и источников:

Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края. – Барнаул, 2007 г.

Вульфсон Э.С. Киргизы. – М., 1901. – 78 с.

Вяткин М.П. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т.IV. Изд.: АН СССР. – Москва-Ленинград, 1940. – 543 с.

Государственный архив Республики Татарстан (далее: ГАРТ). Ф. 969. Оп. 1. Д. 10.

ГАРТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11.

ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1277.

ГАРТ. Ф.10. Оп.5. Д. 843 а.

ГАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Л.195-159

Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. // Сборник исторических документов в 2-х томах. Т.1: Письма казахских правителей (1675–1780 гг). Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – 696 с. (44 с.)

Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. // Сборник исторических документов в 2-х томах. Т.2: Письма казахских правителей (1738 – 1821 гг). –Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. –1032 с. (12 с.)

История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып.3. – Караганда: ПК «Экожан», 2013. –496 с. (8 с.)

Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов / Сост.: Сирик В.А. – Алматы: Литера-М, 2019. 516 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т3. Алматы: «Атамұра», 2010. 768 с.

Карта Астраханской губерний // Земли киргиз-кайсаков и Туркестана. – Астрахань, 1881.

Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. – Москва, 2003. –286 с.

Мейер Л. Материалы для геогр. и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1850. –414 с.

Отдел редких рукописей (Нац. библ. Казанского университета). Ф.4876.

Почекаев Р.Ю. Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюркомонгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2016. 378 с.

Рычков П. Описание Оренбургской губернии. // Сочинение. Типография оренбургская. СПб., 1762 г. – 262 с.

Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 65 с.

Труды Астраханского статистического комитета. Вып. III. –Астрахань, 1874.

Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII – XIX веках. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. –480 с.

Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII-первая треть XIX вв. / Составители Хафизова К.Ш., Моисеев В.А. –Алма-Ата, 1989.

Шотанова Г.А. Материалы астраханских научных обществ и учреждений как источник по истории Казахстана (II половина XIX – 1917 г.). –Алматы, 2009 г. 200 с.

Е.М. Ужкенов¹, Г.А. Шотанова². ¹К.и.н., ВНС. ²К.и.н., ВНС. Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова.